

**Михаил Борисович Смолин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
и исторического архивоведения
Московского государственного
института культуры**

Россия и революция: Лев Тихомиров в борьбе за Империю

Лев Александрович Тихомиров родился 19 января 1852 года, в строго ригористское царствование императора Николая I. Отец — военный врач, участник Кавказской войны; мать — выпускница института благородных девиц. Л.А. Тихомиров получил хорошее консервативно-религиозное семейное образование, но уже в старших классах керченской Александровской гимназии¹ приобщился к революционным идеям «шестидесятников» (любимым писателем стал революционный публицист Писарев). А в университете уже окончательно встал на партийно-революционный путь. В 1873 году Л.А. Тихомиров был арестован и осужден по делу «193-х»; по приговору суда более четырех лет провел в Петропавловской крепости. К концу 70-х годов Л.А. Тихомиров — признанный идейный лидер народолюбчества, партия «Народная воля» бережет его как лучшую свою умственную силу.

После цареубийства, о котором он знал, но в котором не участвовал, Л.А. Тихомиров, желая избежать ареста, осенью 1882 года выехал за границу, сначала в Швейцарию, а затем во Францию. Здесь весной 1883 года он вместе с Лавровым начал издавать «Вестник «Народной воли»».

Оказавшись в республиканской «передовой» Франции и насмотревшись на парламентские скандалы, ознакомившись с деятельностью партийных политиканов, Л.А. Тихомиров пересмотрел свои политические взгляды. «Отныне, — пишет он в 1886 году, — нужно ждать всего лишь от России, русского народа, почти ничего не ожидая от революционеров...

¹ Окончил ее с золотой медалью.

Сообразно с этим я начал пересматривать и свою жизнь. Я должен ее устроить так, чтобы иметь возможность служить России так, как мне подсказывает мое чутье, независимо ни от каких партий»².

Незыблемость веры в революцию начала давать трещины. Жизнь вне Христа, вне Родины, вне служения нации стала непереносимой тягостью для Л.А. Тихомирова. Постепенно в государственном преступнике происходит глубокий христианский переворот, оформляющийся к 1888 году, когда Л.А. Тихомиров опубликовал книгу «Почему я перестал быть революционером».

Разорвав с революционерами и испрашивая у государя прощения, Лев Александрович готов был понести наказание и искупить вину. Так, 24 октября 1888 года он записывает в своем дневнике: «Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя»³.

Но император Александр III проявил милосердие и простил Л.А. Тихомирова, разрешив ему вернуться в Россию.

Переход Л.А. Тихомирова на сторону русского самодержавия стал сильнейшим моральным потрясением и идеологическим ударом для революционной партии. Этот акт воспринимался революционерами как совершенно невероятное событие, он казался столь же неправдоподобным, как если бы состоялся переход Александра III в ряды революционеров. Резонанс был велик, и не только в российской среде, но и в международных революционных кругах.

Знаменитый французский революционер Поль Лафарг писал Плеханову, что приезд на учредительный конгресс II Интернационала русских революционеров «будет ответом на предательство Тихомирова»... Это был чуть ли не единственный случай в истории революций, когда один из самых знаменитых руководителей, отказавшись от идеи революции, стал убежденным и последовательным сторонником монархии, в течение тридцати лет отстаивающим ее принципы.

² Воспоминания Льва Тихомирова. М; Л., 1927.

³ Воспоминания Льва Тихомирова. М; Л., 1927. С. 259.

«Я не люблю своей молодости, — писал в своих воспоминаниях Л.А. Тихомиров, — она полна порывов испорченного сердца, полна нечистоты, полна глупой гордости ума, сознававшего свою силу, но недоразвившегося ни до действительной силы мышлений, ни до самостоятельности. Я начинаю любить свою жизнь только с той эпохи (последние годы Парижа), когда я дозрел до освобождения (хотя бы постепенно)... стал понимать законы жизни, стал искать и Бога»⁴.

Наследник великих людей

К 1888 году, когда Л.А. Тихомиров пришел в правую публицистику, в ней происходила смена поколений: только что с политической сцены ушли такие крупные политические писатели, как Н.Я. Данилевский (1885), И.С. Аксаков (1886), М.Н. Катков (1887). Идя вслед, Л.А. Тихомиров столь же глубоко осознавал различие в восприятии идеи власти и государства в России и в Европе. Его протест против демократии — это протест против европеизма, разрушившего свой идеал государственной власти и навязывающего демократический принцип России, следствием которого было уничтожение национального идеала верховной власти русских царей. Это протест против финансовых и гражданских «панам», виденных Л.А. Тихомировым на Западе (в частности, в его время особенно явственно во Франции), во имя яркого идеала возрожденной самодержавной монархии в лице императора Александра III.

Многообразные писательские интересы Льва Александровича и глубокая вера в русскую мысль сделали его духовным наследником многих отечественных мыслителей.

В нем во всей глубине проявилась «универсальность» русского духа, проявилась возможность вбирать в себя, испытывать на себе влияния большого числа разнообразных идей, не теряя при этом идейной самобытности.

⁴ Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 174.

Трудно найти русского мыслителя, который хотя бы отчасти не был бы еще и историком. Вся русская мысль историософична. Возможно, в этом сказывалось еще и влияние Н.М. Карамзина, впервые столь сильно и широко возбудившего интерес к историческим обобщениям, да и вообще интерес русских к самим себе. Поколение славянофилов и такие люди, как профессора М.П. Погодин, С.П. Шевырев, М.Н. Катков, безусловно, имели опору в исторических трудах Н.М. Карамзина.

Л.А. Тихомиров не был здесь исключением, напротив, его творчество стало, пожалуй, наиболее ярким воплощением историчности русской мысли. Убежденный, что психологический тип русской нации уже не одно столетие неизменен, он не считал большой опасностью включение множества иных народов и государств в русское государственное тело в процессе перерастания России в имперскую державу. Новые этнические примеси, по его мнению, вероятнее всего, способствовали еще более яркому выражению собственно русского типа.

Перенося этнические параллели в область мысли, Л.А. Тихомиров никогда не боялся влияния чужих идей на себя как мыслителя. Его гибкий и сильный ум способен был, воспринимая чужое, не перенимать его бессмысленно, некритично, а переосмысливать в нужном ему ракурсе. Все, что было им изучаемо, проходило идейную переплавку и добавлялось в его систему мыслительной «специей», придававшей идеям Л.А. Тихомирова большую выразительность.

Универсальность писательства Л.А. Тихомирова имеет свои корни в философско-богословских традициях русской консервативной мысли XIX столетия; он вобрал в свой исследовательский инструментарий весь теоретический арсенал, выработанный предыдущими поколениями консерваторов. Он тот мыслитель, который смог переместить русские государственные идеалы из области только лишь интуитивной и чувственной в область сознательного понимания и уяснения. Идея самобытности русского

исторического самодержавия была им возведена на уровень научно исследуемого факта человеческой истории.

Процесс объединения разных консервативных русел русской мысли — традиций славянофильской и карамзинско-катковской — начался, пожалуй, еще с К.Н. Леонтьева, смогшего стать бойцом этих двух станов консерватизма. В нем причудливо совмещались славянофильство в области культуры и карамзинско-катковское отношение к государству.

Следующим звеном, связывающим традицию русской мысли воедино, нужно признать творчество Л.А. Тихомирова: и по личной высокой оценке леонтьевской мысли, и по внутреннему содержанию сочинений самого Льва Александровича. К.Н. Леонтьев писал (в письме от 7 августа 1891 года) из Оптиной пустыни Л.А. Тихомирову: «Приятно видеть, как другой человек и *другим путем* (было выделено самим К.Н. Леонтьевым. — М.С.) приходит почти к тому же, о чем мы сами давно думали». Это признание родственности убеждений и духа мысли. А выделенное К.Н. Леонтьевым в этом письме место и есть ключ к пониманию самобытности следующего этапа русской мысли, олицетворенного в Л.А. Тихомирове.

Будучи наиболее законным наследником К.Н. Леонтьева (и даже не в том смысле, что он развивал его идеи, а в том, что продолжил саму нить размышлений над проблемами Православной Церкви, монархического государства и подобными вопросами), Л.А. Тихомиров пришел в русскую консервативную мысль из лидеров крайнего революционизма. И это очень важно для понимания особенности его мышления.

Его мысль, вероятно, довлела над его натурой и характером, зачастую заставляя подчиняться выводам логики не менее, чем чувствам.

Несмотря на то, что революция еще не была способна сломить империю, Л.А. Тихомиров уже видел «потенциальные ее сатанинские глубины». Всю свою дальнейшую жизнь после перехода на сторону исторической России он ощущал мистически реально приближение

революционного слома, всеми своими силами ведя борьбу с этим направлением.

Он, побывав в водовороте революции, в самой середине его, и чуть духовно не сломавшись под ее давлением, всю оставшуюся жизнь чувствовал страшное приближение этого асоциального акта. Причем это ощущение его не сковывало, не лишало сил к противодействию, а лишь мистически подстегивало к борьбе, к предостережению. Это ощущение было так реально в его жизни, что окружающие зачастую сомневались в адекватности его отношения к реальности революции.

Чувствительность его души вместе с пытливостью ума и реактивностью его сознания (всегда живо реагирующего на окружающие идейные вопросы) создала тот тип мыслителя-энциклопедиста, который одинаково успешно мог трудиться в различных обществоведческих сферах.

Критик идеи демократии

После работы «Почему я перестал быть революционером» (Париж, 1888) Л.А. Тихомиров обратился к критике демократии как идейного принципа в других своих работах⁵.

Л.А. Тихомиров говорит о переносе религиозной веры секуляризованным сознанием из церковной области в сферу политики. Именно это перенесение религиозных понятий в область социальных отношений приводит к перманентной революции, не удовлетворяющейся никаким социальным переустройством.

Сравнивая же фактические основы либеральной демократии с тем, что декларировалось при ее возникновении (например, с тем, что утверждал Ж.-Ж. Руссо), Л.А. Тихомиров утверждает, что практика демократии, как правило, оказывалась абсолютно противоположна ее теории. Партийные политиканы и политические партии становятся властными суверенами, а

⁵ Начала и концы. «Либералы» и террористы (М., 1890); Демократия либеральная и социальная (М., 1896); Борьба века (М., 1896); Конституционалисты в эпоху 1881 года (М., 1895).

народ продолжает быть безгласным и безвластным до новой подачи избирательных бюллетеней.

«Нет ни одной формы правления, — говорил Л.А. Тихомиров, резюмируя свой взгляд на демократию, — в которой воздействие народных деланий на текущие дела было бы так безнадежно пресечено, как в этом создании теории, пытавшейся все построить на народной воле»⁶.

Л.А. Тихомиров утверждает, что либеральная и социальная демократия «начала и концы» одного и того же революционного процесса и что на смену гипертрофированному индивидуализму либерализма, как реакция на него, пришел социализм со своим всепоглощающим коллективизмом. В своей критике идей либеральной и социальной демократии Л.А. Тихомиров призывал искать новые социальные пути вне демократической доктрины.

«Если нам суждено, — заключал свою критику демократии Л.А. Тихомиров, — мы должны искать иных путей, с сознанием той великой истины, которая так ярко доказывается отрицательным опытом «новой эры»: что правильное устройство социальной жизни возможно лишь при сохранении духовного равновесия человека, а оно для современного, христианством выработанного человека дается только живою религиозною идеей»⁷.

Общие основы монархии и «Монархическая государственность»

С возникновением общества, утверждает Л.А. Тихомиров, в нем *возникает власть* как естественный регулятор социальных отношений. Для общественности всегда характерно наличие власти и подчинения. Когда же нет ни власти, ни подчинения, наступает свобода в чистом ее виде, но здесь уже нет общественности, так как любая социальная система полна борьбы, которая проходит либо в более грубых, либо в более мягких формах. Власть становится силой, осуществляющей в обществе, в государстве высшие начала правды.

⁶ Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная. М., 1896. С. 44–45.

⁷ Там же. С. 102.

Общество и власть растут и развиваются параллельно, создавая государственность наций. В зависимости от того, что понимает нация под общечеловеческим принципом справедливости, верховная власть представляет тот или иной принцип: монархический, аристократический или демократический. «Необходимо признать, — пишет Л.А. Тихомиров, — все эти три формы власти особыми, самостоятельными типами власти, которые не возникают один из другого... Это совершенно особые типы власти, имеющие различный смысл и содержание. Переходить эволюционно один в другой они никак не могут, но сменять друг друга по господству могут... Смену форм верховной власти можно рассматривать как результат эволюции национальной жизни, но не как эволюцию власти самой по себе... Сами по себе основные формы власти ни в каком эволюционном отношении между собою не находятся. Ни один из них не может быть назван ни первым, ни вторым, ни последним фазисом эволюции. Ни один из них с этой точки зрения не может быть считаем ни высшим, ни низшим, ни первичным, ни заключительным...» («Монархическая государственность»).

Выбор принципа верховной власти зависит от нравственно-психологического состояния нации, от тех идеалов, которые сформировали мировоззрение нации. Если «в нации жив и силен некоторый всеобъемлющий идеал нравственности, — развивает далее свою мысль Л.А. Тихомиров, — всех во всем приводящий к готовности добровольного себе подчинения, то появляется монархия, ибо при этом для верховного господства нравственного идеала не требуется действие силы физической (демократической), не требуется искание и истолкование этого идеала (аристократия), а нужно только наилучшее постоянное выражение его, к чему способнее всего отдельная личность как существо нравственно разумное, и эта личность должна лишь быть поставлена в полную независимость от всяких внешних влияний, способных нарушить равновесие ее суждения с чисто идеальной точки зрения»⁸.

⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1905. С. 69.

Лев Александрович шел весьма долго к написанию «Монархической государственности», что видно даже по структуре и тематике самой книги. Еще в ряде статей о «Монархических началах власти» (1896–1898) в газете «Московские ведомости» и в сочинении «Единоличная власть как принцип государственного строения»⁹ он поставил проблемы, рассмотренных подробнее впоследствии в первых трех частях «Монархической государственности». Он вновь и вновь возвращался к одной и той же теме, как бы проговаривая, прописывая те контуры идеи монархической государственности, которые с каждым новым его обращением к этой теме становились более видимыми, а вся идея — основательнее и академичнее.

«Монархическая государственность» вышла в четырех частях. Первые три были напечатаны в июне–июле 1905 года, а четвертая — в августе. Кроме тысячи обычных экземпляров книги, было изготовлено несколько «именных», которые были подарены, разосланы или поднесены членам императорской фамилии и некоторым государственным сановникам. Среди восторженно отозвавшихся на книгу был, например, сенатор П.Н. Семенов, который писал так: «Замечательной книге г. Тихомирова по глубине мысли нет... равной в русской литературе»¹⁰.

С выходом «Монархической государственности» признание Л.А. Тихомирова как теоретика государственного устройства выросло еще более в среде правой русской общественности. Он стал желанным гостем многих знаменитых людей своего времени, с ним советовались по разным вопросам, его приглашали для разговоров и министры, и великие князья.

Осенью 1905 года при посредничестве генерал-лейтенанта Александра Алексеевича Киреева, друга Л.А. Тихомирова, состоявшего при великой княгине Александре Иосифовне, великий князь Константин Константинович

⁹ Впервые было напечатано в журнале «Русское обозрение» в 1897 г. (№ 5–7), а затем издано отдельной книгой.

¹⁰ ГАРФ, ф. 634, оп. 1, д. 118, л. 5 об. Письмо П.Н. Семенова к Л.А. Тихомирову от 19 июня 1905 г.

передал государю императору книгу Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность». А в феврале 1906 года А.А. Киреев обратился к министру Императорского двора В.Б. Фредериксу с просьбой об исходатайствовании Л.А. Тихомирову знака монаршего внимания за поднесенный государю императору труд «Монархическая государственность».

Вследствие этого прошения было высочайше повелено выдать из Кабинета Его императорского Величества Л.А. Тихомирову подарок ценою около двухсот рублей. Заказ Кабинета Его императорского Величества выполняла фирма Фаберже. 28 февраля 1906 года за поднесение Его императорскому Величеству сочинения «Монархическая государственность» Л.А. Тихомиров был удостоен всемилостивейшего пожалования — серебряной чернильницы «Empire» с изображением государственного герба. Л.А. Тихомиров по получении подарка написал 15 марта Всеподданнейшее прошение, выражающее Его императорскому Величеству благодарность за всемилостивейше пожалованный ему подарок.

Подарок им был воспринят как «нравственное одобрение» его трудов по разработке монархического принципа власти, которыми он хотел послужить «общечеловеческому благу». Далее в письме к государю он писал, что изучение много лет назад французского республиканского строя привело его «к убеждению в превосходстве монархического принципа», изучение и разъяснение которого стало с тех пор его главной задачей. Наибольшую трудность для исполнения своей задачи Л.А. Тихомиров видел в «неуменьше людей выделять действие самого принципа из того, что лишь посторонне к нему примешивается», при котором отождествление самодержавия с абсолютизмом приводит к развитию бюрократического всевластия в области государственного управления. При правильном же понимании сущности монархии, «будучи Верховной Властью Высшей правды, монархия одна из всех политических принципов способна воздвигать государственный строй непосредственно на социальном», то есть на сословно-профессиональной

организации социальных слоев общества, — она не дает партийному политиканству узурпировать власть над нацией. Спасение же от бюрократической узурпации он видел в построении «правительственных учреждений по системе сочетания народного самоуправления и действия бюрократии их взаимною сдержкою». Он был глубоко уверен, что «при правильном построении учреждений соответственно монархическому принципу, Россия не только сама освободилась бы от политических противоречий, но могла бы дать пример высшей государственности всему миру, ныне столь в этом нуждающемуся»¹¹.

«Монархическая государственность» Л.А. Тихомирова дала монархическому движению идейное выражение своих чувств и бессознательных национально-патриотических ощущений, изложенных в строгую в своем логическом построении систему истории и догматики монархической государственности, чего не было никогда сделано до выхода этой книги. Он видел необходимость в новой породе людей, которые смогут возродить монархическую государственность на основе его идеальных конструкций.

В связи с этим интересно письмо — ответ Л.А. Тихомирова редакции «Миссионерского обозрения» (В.М. Скворцов) на просьбу о более регулярном и деятельном участии в журнале. «Чем больше, — писал он, — я изучаю и ближе наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности, а отсюда происходит своеобразность буффонального патриотизма — у одних и отсутствие его — у большинства, хотя и мыслящих себя монархистами; космополитизм же губит нашу интеллигенцию, талантливейшую в мире, способную на великие жертвенные подвиги. Если социализм и космополитизм глушат исконный наш монархизм — вина в том на нашей школе и политической науке, которая больше интересуется демократическим и социалистическим принципом, чем монархическим.

¹¹ РГИА, ф. 472, оп. 43, д. 3а.

Наши правящие круги и вся вообще нация застряли на начатках своей политической веры. Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера? Кроме стереотипных славянских лозунгов «за самодержавие, православие и русскую народность», он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать... Нужно создать, как выражались просвещенные западники Екатерининской эпохи, «новую породу русских людей» — но только не ту, что начала выращивать Петровскую Русь, — «сознательно монархическую породу», так чтобы вся нация ясно осознала великое преимущество монархической государственности перед другими видами и формами власти и управительного строя, поняла бы то великое благо, которое провидением ниспослано Российской Державе в Самодержавии Русских Царей... Я спешу как можно скорее закончить свое исследование монархической государственности, которое составит *comprendium* всего того, над чем я работал много лет, о чем ранее писал и печатал по вопросам государственноведения и политики»¹².

Достоинство труда Л.А. Тихомирова состоит в определении исторической преемственности русской государственности через римскую и византийскую; в осмыслении места русского самодержавия в ряду других православных имперских государств (Рима и Византии); в выяснении идеального (в идее) содержания царской власти и определении правильных и неправильных форм того или иного принципа верховной власти; в освещении истории русской государственности и сопутствующем ей развитию русского самосознания; в признании недостаточной осознанности русских идеалов.

После выхода книги «Монархическая государственность» Л.А. Тихомиров занят осмыслением реформирования системы «думской монархии», каковой она сложилась после издания новых Основных Законов

¹² *Маевский В.* Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. Нови-Сад, 1934. С. 71–72.

1906 года. Предложенную Л.А. Тихомировым схему реформ коротко можно определить как введение в государственную систему монархического народного представительства с узаконенным господством в нем голоса русского народа, цель которого — представлять мнения и нужды народа при верховной власти. Оговаривал он и то обстоятельство, что «представительством могут пользоваться только гражданские группы, а не элементы антигосударственные, как ныне. В законодательственных учреждениях не могут быть представительства ни от каких групп, враждебных обществу или государству...»¹³.

До Л.А. Тихомирова русской консервативной, традиционалистской мысли не удавалось создать развернутой трактовки философии права и государственного права, очертить монархическую мировоззренческую систему взглядов. Все рассуждения консерваторов по этой государственно-правовой проблематике носили полемический, газетно-журнальный, публицистический характер, не выходя на уровень академической науки.

Так, еще в своем сочинении «Монархическая государственность» Л.А. Тихомиров сетовал на крайнее невнимание государствоведческих наук к монархическому принципу. «Наша наука, — писал он, — не шла впереди существующего строя, не помогала ему найти пути развития, не умела для монархического принципа сделать ничего, кроме компиляции статей законов, столь многочисленных и иногда столь случайных»¹⁴.

В статье-рецензии о капитальном труде профессора П.Е. Казанского «Власть Всероссийского Императора» Л.А. Тихомиров в следующих словах описывает сложное положение защитников-теоретиков самодержавия: «...в то время, когда в воинствующем лагере противников Самодержавия господствуют оживление и дружная поддержка каждого проблеска научного оправдания их программ и целей, лагерь сторонников Самодержавия проявляет какую-то косность, пассивность, невнимание к научному

¹³ Тихомиров Л.А. Представительство народа при Верховной Власти. М., 1910. С. 4.

¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. III. С. 54.

утверждению своих собственных идеалов и в результате пренебрежение к тем умственным силам, которые на это способны»¹⁵18.

Л.А. Тихомиров считал, что теоретическая работа по выяснению принципа монархической власти, его внутреннего смысла и отличия от других принципов властвования является одной из важнейших составляющих укрепления и поиска путей развития государственного строя.

Формулируя роль науки государственного права в целом для государства, Л.А. Тихомиров пишет: «...наука не только рассказывает нам то, что существует, — она также помогает уяснить себе, что нам должно делать для постановки официального юридического строя государства в гармонию с природными государственно-правовыми силами и условиями, кроющимися в самой жизни нации»¹⁶.

Только с написанием Л.А. Тихомировым книг «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897) и особенно «Монархическая государственность» (1905) русская консервативная мысль в вопросе о государстве преодолела чисто публицистический период в своем развитии и дала академической науке не удававшийся ей синтез — русских государственных традиций и мирового правового научного знания.

«Наука, — утверждал Л.А. Тихомиров, — рассматривает прежде всего не то, что должно быть в принципе, а то, что есть в действительности, и только таким путем ученый доводит нас до сознания уже и того, что должно бы быть»¹⁷.

Л.А. Тихомиров сетовал на крайнее невнимание к научным построениям и со стороны правой части общества, и особенно со стороны государственной власти, на неумение и нежелание «пользоваться

¹⁵ *Тихомиров Л.А.* Власть Всероссийского Императора // Московские ведомости. 1913. № 198, 28 августа.

¹⁶ *Тихомиров Л.А.* Наша наука и государственный строй // Московские ведомости. 1912. № 58, 10 марта.

¹⁷ Там же.

умственными и научными силами». Он был глубоко убежден, что русскому обществу начала XX столетия не хватало сознательности в строительстве своей государственной жизни, а отсюда происходила, по его мнению, и потеря национальной самобытности во многих сферах бытия русского народа.

Перед собой, а также перед своими современниками и потомками Л.А. Тихомиров ставил задачу «вникать в основные государственные принципы, понимать их и, стало быть, пользоваться трудами тех, которые способны дать нам это понимание. Только при этом мы можем способствовать прогрессивной эволюции права в направлении наших идеалов. Нужно уметь пользоваться на практике тем оружием, которое выковывает труд ученого, прозрение философа. Те направления, которые к этому не способны, – не способны и жить»¹⁸.

Л.А. Тихомирова можно назвать первым русским мыслителем, который привнес сильную академическую струю в изучение государства традиционалистами. В свою очередь, эта линия «этического монархизма» была поддержана крупными юристами: профессором В.Д. Катковым, профессором П.Е. Казанским и Н.А. Захаровым, а в реалиях эмиграции была публицистически озвучена И.Л. Солоневичем.

Консервативная система «этического монархизма» явилась во многом и как проект выхода из кризиса правосознания и юридической науки в целом, характерного для конца XIX — начала XX столетия, о котором говорила школа профессора П.И. Новгородцева, а также такие ученые, как Л.И. Петражицкий.

Идея «умной диктатуры» и господства русской нации

В свое время идеи Л.А. Тихомирова не нашли в русском обществе для своего воплощения той воли социальной элиты, которая была бы способна их внедрить в жизнь империи. А надо сказать, что свой проект консервативных

¹⁸ *Тихомиров Л.А.* Власть Всероссийского Императора // Московские ведомости. 1913. № 198, 28 августа.

национальных реформ Л.А. Тихомиров связывал именно с появлением «умной диктатуры», способной осуществить реформу государственного устройства страны. Но на умную диктатуру никто тогда не решился. А он совершенно искренне желал появления «спасающего человека». «Россия, — писал он, — теперь жаждет появления *спасающего человека*. Она ищет его, тоскует по нем, и малейшее подобие такого человека готова, так сказать, «в кредит» окружить славой. Это настроение видимо нарастает. В нем выражается потребность найти исчезнувший центр национального единения»¹⁹.

Диктатура, по его мнению, должна была опираться на нуждавшиеся в государственном порядке социальные слои русской нации. Вне русской нации Л.А. Тихомиров не видел силы, способной стать консолидирующим центром возрождения русской государственности.

«Империя создана *русскими*, — утверждал он, — и без них непременно должна распасться. Единящий центр Империи может быть или русским, или его совсем не может существовать... Вообще, никакой другой объединяющей силы, кроме *национально русской*, у нас *не может быть*. Для России поэтому нужна *гегемония русского народа*»²⁰.

Опереться на русскую нацию, по Л.А. Тихомирову, означало опереться не на всю массу нации, а лишь на «прочные социальные элементы», которым нужна государственность для их спокойного труда и внутренней жизни. «Только при гегемонии русского народа, — писал Л.А. Тихомиров, — возможно устроить Империю и только опираясь на твердые социальные слои русского народа возможно создать государство, которое способно дать гегемонию русской нации. Это есть основа той спасающей идеи, которая

¹⁹ Тихомиров Л.А. Спасающая личность и спасающая идея // Московские ведомости. 1912. № 138, 15 июня.

²⁰ Там же.

должна созреть в нации, прежде чем у нее может явиться спасающий человек, столь страстно ею ожидаемый. Идея есть предтеча личности»²¹.

Для Л.А. Тихомирова гегемония русского народа в империи не выражалась лозунгом «Россия для русских». Он предлагал другую формулу: «Россия должна устраиваться по-русски», то есть «устроиться сообразно русской исторической идее, как получить государственную власть, во всех действиях проникнутую национальным духом, народу понятную и опирающуюся на этическое содержание, общее ей самой и русской нации»²².

Власть же верховная, по Л.А. Тихомирову, должна иметь возможность действовать в случае надобности во имя государственного блага, не обращая внимания на писанный закон, если он не способен доставить необходимый для государства положительный результат.

«Наше спасение зависит от того, перестанем ли мы полагаться на бумажные правила и каменные стены и потребуем ли от самих себя и от всех наших, чтобы наше дело всюду защищалось живым, сознательным и преданным ему человеком. Если этого у нас не явится, то неврастеническим выкрикиванием проклятий врагам мы не возвратим назад ни одного камня взятых у нас бастионов, а потеряем и все остальное, пока еще не отнятое»²³.

«Я не могу отказаться от своих идеалов»

Идеи Л.А. Тихомирова оказались не востребованными в начале XX столетия. «Никто не хотел, — как писал В.А. Маевский, — серьезно вдуматься в трезвый голос предостережения, тем более что и пророк-то был выходец из революционного Назарета»²⁴.

В мае 1917 года Л.А. Тихомиров с величайшим сожалением сделал в дневнике следующую запись, подводящую как бы итог его общественной

²¹ Там же.

²² *Тихомиров Л.А.* Спасающая личность и спасающая идея // Московские ведомости. 1912. № 138, 15 июня.

²³ *Тихомиров Л.А.* Нужны ли принципы? // Московские ведомости. 1911. № 174.

²⁴ *Маевский В.* Указ. соч. С. 61.

жизни: «Я уйду с сознанием, что искренне хотел *блага* народу, России, человечеству. Я служил этому *благу честно и старательно*. Но мои идеи, мои представления об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством. Я не могу признать их правыми в *идеалах*, я не могу отказаться от *своих идеалов*. Но они имеют право жить, как считают лучшим для себя. Я не могу и даже не хочу, не имею права им мешать устраиваться, как им угодно, хотя бы и гораздо хуже, чем они могли бы устроиться. И точно – я отрезанный ломоть от жизни. Жизнь уже не для меня. Для меня во всей силе осталась одна задача единственная: *позаботиться о спасении души своей*. Да поможет мне Бог в этом и да будет во всем Его воля. Не остави меня, Господи Боже мой, не отступи от меня, вонми в помощь мою, Господи спасения моего»²⁵.

С этим своеобразным христианским реализмом (для атеиста, вероятно, он выглядит глубочайшим пессимизмом и констатацией жизненной неудачи) Л.А. Тихомиров прожил после революции оставшиеся ему несколько лет жизни в очень сложных материальных условиях²⁶.

В исследованиях о Л.А. Тихомирове часто любят, говоря об утопичности его мысли, ссылаться на то, что современность не признала его своим и не сделала кумиром, как она сделала их из Милюкова, Керенского, Ленина и т.п. политических деятелей и политических идеологов. Можно ли сказать, что дело жизни этих деятелей прочно воплотилось в исторических реалиях России и что оно не было отвергнуто ею, как многие другие политико-философские доктрины? Мне кажется, что и кадетская либеральная, и коммунистическая идеи остаются по сей день способными лишь к временному, частичному и непоследовательному воплощению на просторах нашего Отечества, что вызывает естественные сомнения в их исторической правомерности. Что же касается политических кумиров периода революции, то их некогда непререкаемое величие у кого совершенно

²⁵ ГАРФ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 27, л. 133–133 об. Дневник Л.А. Тихомирова мая 1917 года.

²⁶ После революции он жил в Сергиевом Посаде, где и умер 16 октября 1923 года.

уничтожилось (как у Керенского), а у кого заметно поблекло от времени, которое (время) при демократическом строе имеет очень короткую память и много новых кумиров.

Когда-то знаменитый Э. Ренан сказал, что для того, чтобы стать признанным, надо походить некоторое время в порицаемых и поносимых. Л.А. Тихомиров также постепенно перешел из разряда непризнанных, безвестных и ругаемых в советские времена в разряд классиков русского консерватизма. С той лишь пока досадной разницей, что изучен он гораздо хуже многих других классиков.

«Отцы и деды, — писал он в завет последующим поколениям, — стяжали нашу землю великим трудом, великим страданием, великим подвигом. Не погубите же ее своими низменными эгоистическими стремлениями и раздорами, личными или классовыми. Поддержите Родину в ее совокупной целостности, а иначе на развалинах ее приготовите могилы и для своих собственных эгоистических интересов»²⁷.

Статья подготовлена для сборника «Защитники русской государственности в портретах и событиях», изданной НБФ «Наследие» в рамках проекта «Анатомия российской смуты. История и современность» на средства гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

²⁷ Тихомиров Л.А. Что такое Отечество? М., 1907. С. 57.